

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 27

1987

Владимир ВЫСОЦКИЙ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 27

Владимир ВЫСОЦКИЙ

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Владимир Семенович Высоцкий (1938—1980) родился в Москве. В 1956 году он поступил на актерский факультет Школы-студии при МХАТе. До того, как осенью 1964 года В. Высоцкий был зачислен в труппу Театра драмы и комедии на Таганке, он проработал некоторое время в Театре имени Пушкина и Театре миниатюр. В 1959 году состоялся его дебют в кино — фильм «Сверстницы», затем киноленты «Вертикаль», «Служили два товарища», «Хозяин тайги», «Плохой хороший человек», «Место встречи изменить нельзя», «Маленькие трагедии»... Всего артист снялся в 25 фильмах.

На сцене Театра на Таганке запомнились роли В. Высоцкого в спектаклях «Добрый человек из Сезуана», «Десять дней, которые потрясли мир», «Пугачев», «Преступление и наказание» и других. Заглавную роль в «Гамлете» он играл с 1971 года и до конца своих дней.

С первых же лет работы в театре и кино широкое признание завоевывают песни Владимира Высоцкого, ставшие одним из самых любимых и чтимых народом бардов — исполнителей авторской песни.

В 1981 году в издательстве «Современник» вышел сборник стихов Высоцкого «Нерв».

* * *

Я весь в свету, доступен всем глазам.
Я приступил к привычной процедуре.
Я к микрофону стал, как к образам.
Нет! Нет! Сегодня, точно к амбразуре.

И микрофону я не по нутру.
Да! Голос мой любому опостылит.
Уверен, если где-то я совру,—
Он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И спят с боков прожектора,
И жара, жара...

Он, бестия, потоньше остря.
Слух безотказен, слышит фальшь до йоты.
Ему плевать, что не в ударе я,
Но пусть я верно выпеваю ноты.

Сегодня я особенно хриплю,
Но изменить тональность не рискую.
Ведь если я душою покривлю,—
Он ни за что не выпрямит кривую.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И спят с боков прожектора,
И жара, жара...

На шее гибкой этот микрофон
Своей змеиной головою вертит.

Лишь только замолчу — ужалит он.
Я должен петь до одури, до смерти.

Не шевелись, не двигайся, не смей!
Я видел жало — ты змея, я знаю!
А я сегодня заклинатель змей,
Я не пою, я кобру заклинаю!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И жара, жара...

Прожорлив он, и с жадностью птенца
Он изо рта выхватывает звуки.
Он в лоб мне вlepит девять грамм свинца.
Рук не поднять, — гитара вяжет руки.

Опять!!! Не будет этому конца!
Что́ есть мой микрофон, — кто мне ответит?
Теперь он, как лампада у лица,
Но я не свят, и микрофон не светит.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И жара, жара...

Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона,
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.

Я освещен, доступен всем глазам.
Чего мне ждать — затишья или бури?
Я к микрофону стал как к образам.
Нет! Нет! Сегодня точно — к амбразуре.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И жара, жара...

[1972]

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ

От границы мы Землю вертели назад—
Было дело сначала.

Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на Востоке.

Мы не меряем Землю шагами,
Понапрасну цветы теребя,
Мы толкаем ее сапогами—
От себя! От себя.

И от ветра с Востока пригнулись стога,
Жмется к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.

Не пугайтесь, когда не на месте закат,
Судный день — это сказки для старших,
Просто Землю вращают, куда захотят,
Наши сменные роты на марше.

Мы ползем, бугорки обнимаем,
Кочки тискаем зло, не любя,
И коленями Землю толкаем—
От себя! От себя.

Не отыщет средь нас и Особый отдел
Руки кверху поднявших.
Всем живым — осязатая польза от тел:
Как прикрытые используем павших.

Этот глупый свинец всех ли сразу найдет,
Где настигнет — в упор или с тыла?
Кто-то там впереди навалился на дот—
И Земля на мгновенье застыла.

Я ступни свои сзади оставил,
Мимоходом по мертвым скорбя,

Шар земной я вращаю локтями—
На себя! На себя.

Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
Принял пулю на вдохе,
Но на Запад, на Запад ползет батальон,
Чтобы Солнце взошло на Востоке.

Животом — по грязи, дышим смрадом болот,
Но глаза закрываем на запах.
Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на Запад!

Руки, ноги — на месте ли? Нет ли?
Как на свадьбе росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли:
На себя! На себя!

[1972]

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему все не так, вроде все, как всегда,
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах — без сна и покоя,
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь — не про то разговор,
Вдруг заметил я — нас было двое.
Для меня словно ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась будто из плена весна.
По ошибке окликнул его я:
— Друг! Оставь покурить! — а в ответ — тишина.
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло для обоих,
Все теперь одному, только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.

1969

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов
И Вечный огонь зажигает.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы,
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов,
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?

1964—1965

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

Кто сказал: «Все сгорело дотла,
Больше в Землю не бросите семян»?!
Кто сказал, что Земля умерла?
Нет! — она затаилась на время.

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет! — она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки, как раны, зияют.
Обнаженные нервы Земли
Неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждет.
Не записывай Землю в калекки!
Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?

Нет! Звенит она, стоны глуша,
Из всех своих ран, из отдушин.
Ведь Земля — это наша душа,
Сапогами не вытоптать душу!

Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет! — она затаилась на время.

1969

ЗАПОВЕДНИК

Рыскают по лесу стаи зверей,
Не за добычей, не на водопой —
Денно и ночью они егерей
Ищут веселой толпой.

Звери, забыв вековые страхи,
С твердою верой, что все по плечу,

Шкуры рванув на груди, как рубахи,
Падают навзничь — бери — не хочу!

Сколько их в куцах — столько их в чащах,
Ревом ревущих, рыком рычащих.
Сколько бегущих — столько лежащих
В дебрях и куцах, в рощах и чащах.

Рыбы пошли косяком против волн —
Чёрпай руками, иди по ним вброд!
Столько желающих прямо на стол,
Сразу на блюдо — и в рот.

Рыба не мясо — она хладнокровней:
В сеть норовит, на крючок, в невода.
Рыбы погреться хотят на жаровне,
Море по жабры, вода — не вода.

Сколько их в куцах — столько их в чащах,
Скопом плывущих, кишмя кишащих,
Друг друга жрущих, тучных и тощих
В дебрях и куцах, в чащах и рощах.

Птица на дробь устремляет полет,
Птица на выдумки стала хитра:
Чтобы им яблоки всунуть в живот —
Гуси не ели с утра.

Сильная птица сама на охоте
Хилым собратьям кричит: — Сторонись!
Жизнь прекращает в зените, на взлете,
Даже без выстрела падая вниз.

Сколько их в куцах — столько их в чащах,
Выстрела ждущих, в силки летящих.
Сколько плывущих — столько парящих
В дебрях и куцах, в рощах и чащах.

Шкуры не хочет пушнина носить,
Так и стремится в капкан и в загон.
Чтобы людей приодеть, утеплить,
Рвется из кожи вон.

В ваши силки — призадумайтесь, люди! —
Прут добровольно в отменных мехах

Тысячи сот в иностранной валюте,
Тысячи тысяч в наших деньгах.

Сколько их в кущах — столько их в чащах,
Дань отдающих, даром даящих,
Шкур настоящих, нежных и прочных
В дебрях и чащах, в кущах и рощах.
В сумрачных чащах, дебрях и кущах
Сколько рычащих — столько ревущих,
Сколько пасущихся — столько кишащих,
Мечущих, рвущихся, живородящих,
Серых, обычных, в перьях нарядных,
Сколько их, хищных и травоядных,
Шерстью линяющих, шкуру меняющих,
Блеющих, лающих млекопитающих.
Сколько летящих, бегущих, ползущих —
Столько непьющих в рощах и кущах,
И некурящих в дебрях и чащах!
И пресмыкающихся, и парящих,
И подчиненных, и руководящих,
Вещих и вящих, врущих и рвущих
В дебрях и чащах, в рощах и кущах!

Шкуры не порчены, рыба — живьем,
Мясо без дробы — зубов не сломать.
Ловко, продумано, просто, с умом,
Мирно — зачем же стрелять?

Каждому егерю — белый передник!
В руки — таблички: «Не бей! Не губи!»
Всё это вместе зовут — заповедник,
Заповедь только одна — «Не убий!»

Но... сколько в дебрях, рощах и кущах
И сторожащих, и стерегущих,
И загоняющих — в меру азартных,
Плохо стреляющих и предынфарктных,
Травящих, лающих, конных и пеших,
И отдыхающих — с внешностью леших,
Сколько их — знающих и искушенных,
Не попадающих в цель, — разозленных,
Сколько бегущих, ползущих, орущих

В дебрях и чащах, в рощах и кущах!
Сколько дрожащих, портящих шкуры,
Сколько ловящих на самодуры!
Сколько их язвенных — столько всеядных,
Сетью повязанных и кровожадных,
Полных и тучных, тощих, ледащих
В рощах и кущах, в дебрях и чащах!

1972

ОХОТА НА ВОЛКОВ

Рвуть из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня — опять, как вчера, —
Обложили меня. Обложили!
Гонят весело на номера!

Из-за елей хлопочут двустволки —
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали — «Нельзя за флажки!»

И вот — охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же, вожак, дай ответ—
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?!

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся — и поднял ружье...

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел!
За флажки — жажда жизни сильнее!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня — не так, как вчера!
Обложили меня! Обложили!
Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников — матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

1967

МОЯ ЦЫГАНСКАЯ

В сон мне — желтые огни,
И хриплю во сне я:
— Повремени, повремени—
Утро мудренее!

Но и утром все не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках — зеленый штоф,
Белые салфетки.
Рай для нищих и шутов,
Мне ж — как птице в клетке.

В церкви смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан.
Нет! И в церкви все не так.
Все не так, как надо.

Я — на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло,
На горе стоит ольха,
А под горою вишня.

Хоть бы склон увить плющом,
Мне б и то отрада!
Хоть бы что-нибудь еще...
Все не так, как надо!

Я — по полю, вдоль реки.
Света — тьма, нет Бога!
В чистом поле васильки,
Дальняя дорога.

Вдоль дороги — лес густой
С Бабами-Ягами,
А в конце дороги той —
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце — подавно.

И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята! Все не так,
Все не так, ребята!

1968

БАНЬКА ПО-БЕЛОМУ

Протопи ты мне баньку, хозяйюшка,
Раскалю я себя, распалю,
На полоче, у самого краешка,
Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной — и все позади.
И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди.

Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Сколько веры и леса повалено,
Сколь изведено горя и трасс,
А на левой груди профиль Сталина,
А на правой — Маринка, анфас.

Эх! За веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою.

Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!»
И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом, на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.

Не топи ты мне баньку по-белому—
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Ох! Знобит от рассказа дотошного,
Пар мне мысли прогнал от ума.
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман.

Застучали мне мысли под темечком,
Получилось, я зря им клеймен,
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Протопи ты мне баньку по-белому—
Чтоб я к белому свету привык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

1967

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было — сорок сороков.

И чудачки — еще такие есть—
Вдыхают полной грудью эту смесь
И ни наград не ждут, ни наказанья,
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же неровного дыхания.

Только чувству, словно кораблю,
Долго оставаться на плаву,
Прежде, чем узнать, что «я люблю»—
То же, что «дышу» или «живу».

И вдоволь будет странствий и скитаний.
Страна любви — великая страна,
И с рыцарей своих для испытаний
Все строже станет спрашивать она,
Потребует разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна.

Но вспять безумцев не поворотить!
Они уже согласны заплатить
Любой ценой — и жизнью бы рискнули, —
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,
Потому что, если не любил —
Значит, и не жил, и не дышал!

Но многих, захлебнувшихся любовью,
Не докричишься, сколько ни зови.
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешан на крови.
А мы поставим свечи в изголовьи
Погибших от невиданной любви.

Их голосам всегда сливаться в такт,
И душам их дано бродить в цветах,
И вечностью дышать в одно дыханье,
И встретиться — со вздохом на устах —
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мирозданья.

Я поля влюбленным постелю —
Пусть поют во сне и наяву!
Я дышу — и, значит, я люблю!
Я люблю — и, значит, я живу!

1975

Марине Влади

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно...

Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени—
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели...

Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света,
И думаешь ты, что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот!

Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре,—
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море...

В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно...
Когда я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно...

Укравду, если кража тебе по душе,—
Зря ли я столько сил разбазарил?
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял!

1969

МОЙ ГАМЛЕТ

Я только малость объясню в стихе,
На все я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе—
В поту и в нервах первой брачной ночи.

Я знал, что, отрываясь от земли,
Чем выше мы — тем жестче и суровой.
Я шел спокойно прямо в короли
И вел себя наследным принцем крови.

Я знал — все будет так, как я хочу.
Я не бывал внакладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы — короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с легкостью слова бросал на ветер.
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспую, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стремями.

Я знал, мне будет сказано: «Царуй!» —
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег,
И я пьянел среди чеканных сбруй,
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутом.
Шут мертв теперь: «Аминь!» Бедняга Йорик!

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий.
Вдруг стало жаль мне мертвого пажу.
Я объезжал зеленые побеги.

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых, и гончих.
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел — наши игры с каждым днем
Все больше походили на бесчинства.

В проточных водах, по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились. И я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный, как паук,
Все постигал: недвижность и движение,
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опровержение.

С друзьями детства перетерлась нить —
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошел на зов — сомненья крались с тылу,
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни —
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все, и, как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью — есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравниал
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилие презирал,
Я наплевал на Датскую корону,
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рождении смерть проглядывает косо.
А мы всё ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

1973—1974

* * *

Штормит весь вечер, и пока
Заплаты пенные латают
Разорванные швы песка,
Я наблюдаю свысока,
Как волны головы ломают.

И я сочувствую — слегка—
Погибшим, но издалека.

Я слышу хрип и смертный стон,
И ярость, что не уцелели.
Еще бы! Взять такой разгон,
Набраться сил, пробить заслон—
И голову сломать у цели!

И я сочувствую — слегка—
Погибшим, но издалека.

Ах, гривы белые судьбы!
Пред смертью, словно хорошея,
По зову боевой трубы
Взлетают волны на дыбы,
Ломают выгнутые шеи.

И мы сочувствуем — слегка—
Погибшим, им, издалека.

А ветер снова в гребни бьет
И гривы пенные ерошит.
Волна барьера не возьмет,
Ей кто-то ноги подсечет—
И рухнет взмыленная лошадь.

И посочувствуют — слегка—
Погибшей, ей, издалека.

Придет и мой черед вослед.
Мне дуют в спину, гонят к краю.
В душе предчувствие, как бред,
Что надломлю себе хребет
И тоже голову сломаю.

Мне посочувствуют — слегка—
Погибшему — издалека.

Так многие сидят в веках
На берегах и наблюдают,
Внимательно и зорко, как
Другие рядом на камнях
Хребты и головы ломают.

Они сочувствуют — слегка—
Погибшим. Но издалека.

Но в сумерках морского дна,
В глубинах тайных, кашалотьих,
Родится и взойдет одна
Неимоверная волна...
На берег ринется она
И наблюдающих поглотит!

Я посочувствую — слегка—
Погибшим, им, издалека.

1973

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
В которое болею или пью.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще—
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда наполовину,
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь» забыто
И коль в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья—
Нет жалости во мне, и неспроста.
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
И не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них миллион меняют по рублю,—
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю.

1969

ПРО ДИКОГО ВЕПРЯ

В королевстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный—
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Сам король страдал желудком и астмой,
Только кашлем сильный страх наводил,

А тем временем зверюга ужасный
Коих ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
«Зверя надо одолеть, наконец!
Кто отважится на дело на это—
Тот принцессу поведет под венец!»

А в отчаявшемся том государстве—
Как войдешь, так сразу наискосок,—
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший королевский стрелок.

На полу лежали люди и шкуры,
Пели песни, пили мёды — и тут
Протрубили на дворе трубадуры,
Хвать стрелка! — и во дворец волокут.

И король ему прокашлял: — Не буду
Я читать тебе моралей, юнец!
Если завтра победишь Чуду-юду,
То принцессу поведешь под венец.

А стрелок: — Да это что за награда?
Мне бы выкатить портвейна бадью!
Мол, принцессу мне и даром не надо—
Чуду-юду я и так победю.

А король: — Возьмешь принцессу — и точка!
А не то тебя — раз-два! — и в тюрьму!
Это всё же королевская дочка!
А стрелок: — Ну, хоть убей — не возьму!

И пока король с ним так препирался,—
Съев уже почти всех женщин и кур,
Возле самого дворца ошивался
Этот самый то ли бык, то ли тур.

Делать нечего — портвейн он отспорил,
Чуду-юду победил и убёг.
Так принцессу с королем опозорил
Бывший лучший, но опальный стрелок.

1966

ТОВАРИЩИ УЧЕНЫЕ

— Товарищи ученые! Доценты с кандидатами!
Замучились вы с иксами, запутались в нулях!
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях.

Из гнили да из плесени бальзам извлечь пытаетесь
И корни извлекаете по десять раз на дню.
Ох, вы там добалуетесь! Ох, вы доизвлекаетесь,
Пока сгниет, заплесневеет картофель на корню!

Автобусом до Сходни доезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с сольцой ее намять!

Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль
С лопатами проявите здесь свой патриотизм.
А то вы всем кагалом там набросились на опухоль,
Собак ножами режете, а это — бандитизм.

Товарищи ученые, кончайте поножовщину,
Бросайте ваши опыты, гидрит и ангидрит!
Садитесь, вон, в полуторки, валяйте к нам, в Тамбовщину,
А гамма-излучение денек повременит.

Автобусом к Тамбову подъезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с сольцой ее намять!

К нам можно даже с семьями, с друзьями и знакомыми.
Мы славно здесь размéстимся, и скажете потом,
Что бог, мол, с ними, с генами! Бог с ними, с хромосомами!
Мы славно поработали и славно отдохнем.

Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!
Ведь лягут в землю общую останки наши бранные,
Земле — ей всё едино: апатиты и навоз.

Автобусом до Сходни доезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с сольцой ее намять!

Так приезжайте, милые, рядами и колоннами.
Хотя вы все там химики и нет на вас креста,
Но вы же там задóхнётесь за синхрофазотронами—
А здесь места отменные, воздушные места!

Товарищи ученые! Не сумлевайтесь, милые:
Коль что у вас не ладится— ну, там, не тот аффект,—
Мы мигом к вам заявимся с лопатами и вилами,
Денечек покумекаем — и выправим дефект.

Автобусом к Тамбову подъезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось, картошку все мы уважаем,
Когда с солью её намять!

1973

ДИАЛОГ У ТЕЛЕВИЗОРА

— Ой! Вань! Смотри, какие клоуны!
Рот — хоть завязочки пришей...
Ой! До чего, Вань, размалеваны,
И голос, как у алкашей.

А тот похож — нет, правда, Вань,
На шурина, — такая ж пьянь.
Ну, нет, — ты глянь, нет-нет, — ты глянь,
Я — правда, — Вань.

— Послушай, Зин, не трогай шурина, —
Какой ни есть, а он — родня.
Сама намазана, прокурена,
Гляди, дождешься у меня!

А чем болтать, взяла бы, Зин,
В антракт сгоняла в магазин.
Что? Не пойдешь! Ну, — я один.
Подвинься, Зин!

— Ой! Вань! Смотри, какие карлики! —
В «жерси» одеты, не в шевьет...
На нашей пятой швейной фабрике
Такое вряд ли кто пошьет!..

А у тебя, ей-богу, Вань,
Ну, все друзья — такая рвань,
И пьют всегда в такую рань
Такую дрянь.

— Мои друзья хоть не в «болонии»,
Зато не тащат из семьи,
А гадость пьют из экономии,
Хоть поутру, да на свои.

А у тебя самой-то, Зин,
Приятель был с завода шин,
Так тот вообще хлебал бензин,
Ты вспомни, Зин!

— Ой, Вань, гляди-ка, попугайчики!
Нет! Я, ей-богу, закричу.
А это кто — в короткой маечке?
Я, Вань, такую же хочу.

В конце квартала, правда, Вань,
Ты мне такую же сваргань.
Ну, что «отстань», всегда «отстань»?
Обидно, Вань.

— Уж ты бы лучше помолчала бы!
Накрылась премия в квартал.
Кто мне писал на службу жалобы?
Не ты? Да я же их читал.

К тому же эту майку, Зин,
Тебе напяль — позор один,
Тебе шитья пойдет аршин, —
Где деньги, Зин?

— Ой! Вань! Умру от акробатиков!
Смотри! Как вертится, нахал!
Завцеха наш, товарищ Сатиков,
Недавно в клубе так скакал.

А ты придешь домой, Иван,
Поешь — и сразу на диван,
Или кричишь, когда не пьян.
Ты что, Иван?

— Ты, Зин, на грубость нарываешься!
Всё, Зин, обидеть норовишь!
Тут за день так накувыркаешься,
Придешь домой — там ты сидишь!

Ну, и меня, конечно, Зин,
Все время тянет в магазин,
А там друзья, ведь я же, Зин,
Не пью один.

1972—1973

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю — погоняю,—
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом — пропадаю! Пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою,—
Хоть немного еще постою
на краю!..

Сгину я, меня пушинкой ураган сметёт с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром.
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить я не смог, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою,—
Хоть немного еще постою
на краю!..

Мы успели — в гости к Богу не бывает опозданий.
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий?
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые,
Коль дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

1972

* * *

Когда я отпою и отыграю,
Чем кончу я, на чем — не угадать.
Но лишь одно наверняка я знаю —
Мне будет не хотеться умирать!

Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам...
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?!

Ответа нет. Но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы, —
И вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

...Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!

1973

Мне судьба — до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты, а за ней — немота,
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та,

Что лабазники врут про ошибки Христа,
Что пока еще в грунт не влезалась плита,
Триста лет под татарами — жизнь еще та:
Маета трехсотлетняя и нищета.

Но под властью татар жил Иван Калита,
И уж был не один, кто один против ста.
Вот намерений добрых и бунтов тшета —
Пугачевщина, кровь и опять нищета.

Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта,
Повторю, даже в образе злого шута.
Но не стоит предмет, да и тема не та,
Суета всех сует — все равно суета.

Только чашу испить не успеть на бегу,
Даже если разлить — все равно не смогу,
Или выплеснуть в наглую рожу врагу, —
Не ломаюсь, не лгу — все равно не могу.

На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу.
Что же с чашею делать — разбить? Не могу!
Потерплю — и достойного подстерегу,

Передам — и не надо держаться в кругу.
И в кромешную тьму, и в неясную згу,
Другу передоверивши чашу, сбегу.
Смог ли он ее выпить — узнать не смогу.

Я с сошедшими с круга пасусь на лугу,
Я о чаше невыпитой здесь — ни гугу,
Никому не скажу, при себе сберегу,
А сказать — и затопчут меня на лугу.

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
За веселый манер, на котором шучу.

Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить — не хочу!
На ослабленном нерве я не зазвучу —
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу.

Лучше я загуляю, запью, заторчу,
Все, что ночью кропаю — в чаду растопчу,
Лучше голову, песне своей откручу,
Но не буду скользить, словно пыль по лучу.

Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта,
Я уйду и скажу, что не все суета!

1978

СОДЕРЖАНИЕ

«Я весь в свету, доступен всем глазам...» . . .	3
Мы вращаем Землю	5
Он не вернулся из боя	6
Братские могилы	7
Песня о Земле	8
Заповедник	8
Охота на волков	11
Моя цыганская	12
Банька по-белому	14
Баллада о любви	15
«Здесь лапы у елей дрожат на весу...»	17
Мой Гамлет	17
«Штормит весь вечер, и пока...»	20
Я не люблю	21
Про дикого вепря	22
Товарищи ученые	24
Диалог у телевизора	25
Кони привередливые	27
«Когда я отпою и отыграю...»	28
«Мне судьба—до последней черты, до креста...»	29

Владимир ВЫСОЦКИЙ
КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Стихи

Составитель
Р. И. Рождественский

Редактор
Н. М. Алексеева

Публикацию стихов подготовили
Н. Крымова, В. Абдулов, Г. Антимоний

Технический редактор
Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 13.04.87. Подписано к печати 12.06.87.
Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,38.
Усл. кр.-отг. 1,58. Тираж 80000. Изд. № 1792. Зак. 525. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ АВТОМОБИЛЕЙ

● Госстрах предлагает Вашему вниманию новый вид страхования АВТО-КОМБИ.

По договору страхования АВТО-КОМБИ одновременно считаются застрахованными:

— автомобиль (в размере действительной стоимости),

— багаж — вещи и дополнительное оборудование автомобиля (на сумму 500 рублей),

— водитель и страхователь на сумму 1000 рублей каждый.

По страхованию АВТО-КОМБИ Госстрах возмещает ущерб, причиненный в результате аварии, пожара, стихийных бедствий, похищения (угона) автомобиля, в случае кражи отдельных его частей, деталей или предметов багажа, а также ущерб за любые повреждения, вызванные преднамеренными или неосторожными действиями третьих лиц.

Уважаемые товарищи!

Подробнее ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно у страхового агента или в инспекции Госстраха.

ГОССТРАХ РСФСР